

Словно бесчисленные реки, впадающие в море, потоки благодатной энергии непрерывно устремлялись к белоснежному силуэту, стоявшему перед огромным котлом, уверенно отдававшего распоряжения и без усталости корректировавший рецепты.

Этот свет нёс в себе животворящую влагу и тепло весеннего дождя.

Неслышно вливаясь в тело Чжоу Тяньэ, это грандиозное и мягкое могущество заслуг самостоятельно очищало её призрачное воплощение и питало самый корень её души.

Лица, прежде слегка побледневшего от работы на пределе сил, вернулся здоровый румянец, и теперь он сиял ярче прежнего, с лихвой превосходя её прошлый облик.

Чуть заметная зловещая и ледяная ци тысячелетнего духа, затаившаяся в её теле, под омовением этого сияющего света заслуг вдруг сделалась чистой и гармоничной, источая едва уловимый святой отблеск.

Она продолжала хлопотать: сосредоточенно помешивала целебный отвар в котле и проверяла приносимые травы.

Это скопившееся золотое сияние заслуг было не только признанием здешним миром её заслуг в спасении жизней, но и самым прямым отражением воли простых жителей всего города, соединивших собственную судьбу и чаяния.

Состояние больных, принявших первую партию целебного отвара, временно стабилизировалось, а у уездного судьи появились силы.

Чжоу Тяньэ вернула чиновнику официальную печать и предупредила его вместе с супругой, что для полного искоренения эпидемии необходимо разрушить сам её источник.

Она вызвалась добровольцем отправиться на разведку в монастырь Линъинь, который уже превратился в логово дракона и тигра.

Несколько чудом выживших стражников, испытывавших к ней глубочайшую благодарность, вызвались идти с ней по собственной воле, твёрдо решив защищать её до конца.

В этот момент за стенами монастыря Линъинь до небес взмывала устрашающая аура демонов!

Чудовища во главе с Чжан Сяйхуэй и Люй Цзи воспользовались тем, что буддийский свет обители ослаб от сдерживания заразы, и пошли в масштабное наступление, намереваясь единым ударом уничтожить Цзигуна — страшную занозу у них в сердце!

— Убейте этого вонючего монаха! У владыки пещеры заготовлена щедрая награда!

Цзигун, Толстый и Худой Бессмертные, Линьчаньцзы и толпа демонов сошлись в жестокой схватке! Столкновение буддийского сияния и демонической ци сопровождалось непрекращающимся грохотом.

А тем временем внутри монастыря Ао Цзилун, выслеживая самый густой и мутный источник скверны в водных жилах, наконец обнаружил лотосовый пруд!

Яростно взревев, он в полную силу высвободил свою драконью способность повелевать водами. Мощнейшая волна силой синей драконьей первородной ци взметнулась вверх, подняв в воздух всю стоячую воду и ил со дна всего лотосового пруда!

Картина на дне открылась потрясающая и ужасающая!

В грязи и мути сжался полусгнивший останок: из него уже торчали голые рыбы кости, а крохи жизни поддерживали лишь половина драконьей чешуи на брюхе да густая злая магия. Это была Инь Хуань!

— Инь Хуань! Это ты!

Глаза Ао Цзилуна полыхали небесным гневом, и на всё вокруг обрушилось величественное драконье превосходство.

Он попытался допросить её, но понял, что её душа уже полностью источена магической скверной и от неё осталось лишь безумие.

Не колеблясь больше, он мысленно простёр драконий когти и силой вырвал её уцелевшие воспоминания.

Перед глазами замелькали картины: мученическая смерть Е Цин, соблазнение со стороны поддельного Чэнь Ляна, передача той зелёной бусины...

Всё завершилось моментом, когда жемчужина растворилась на дне пруда и разразилась эпидемия!

— Из-за собственного эгоизма наслать столь чудовищную беду... — Ао Цзилун горько пожалел, что тогда, когда этот рыбий дух навлек на себя беду со стабилизирующим реку посохом, ему следовало прихлопнуть её одним ударом.

Пылающая драконья первородная ци, подобно палящему солнцу, в мгновение ока испарила и очистила уже сгнившие останки Инь Хуань вместе с обвивавшей их демонической скверной!

— Благодетель...

В самый миг окончательного рассеивания в безумных глазах Инь Хуань на секунду промелькнуло предельно мимолётное замешательство. Глядя на Ао Цзилуна, её искаженные рыбы губы попытались изобразить нечто вроде прекрасной улыбки, и сорвался едва слышный бред:

— Я... я теперь... такая красивая... я стала драконом... почему же ты... презираешь меня...

До самой смерти она пребывала в иллюзорном сне, сотканном демонами, — сне о красоте и превращении в дракона.

Как же это жалко, и как же это мерзко!

Лицо Ао Цзилуна оставалось мрачным как вода, ничуть не дрогнув.

Он снова взмахнул драконьей лапой, и необъятная божественная сила, пронёсшаяся по дну пруда, силой собрала и сжала оставшиеся в живых миазмы чумы, пока они не превратились в непрерывно извивающуюся тёмно-зелёную бусину, излучающую зловещую ауру, которая была временно запечатана.

Чжоу Тяньэ и стражники едва успели подняться на гору, как увидели жуткую картину.

За стенами монастыря Линъинь сгустились чёрные тучи, завывал демонический ветер.

Несколько посланных сюда для ареста монаха стражников валялись на земле без признаков жизни.

Чжоу Тяньэ и несколько верных и храбрых служителей закона как раз помогли перенести раненого стражника в безопасное место,

как вдруг заметили зависшее над обителью скопление чудовищной демонической ци, чьё давление отнимало дар речи.

— Мастер Чэнь Лян? — испуганно выкрикнул один из стражников.

— Владыка Пещеры Бездны! — глаза Цзигуна налились кровью, и он ткнул в него своим облезлым веером. — Выбирайся из тела моего любимого ученика!

Из уст поддельного Чэнь Ляна вырвался хриплый безумный смех:

— Вшивый монах, эта оболочка прекрасно подходит моему истинному я, зачем же растрачивать её впустую?

Не успело замереть эхо голоса, как демоническая ци превратилась в гигантскую лапу и рухнула сверху, закрывая собой небо!

Цзигун, Ао Цзилун, Линьчаньцзы, а также Толстый и Худой Бессмертные нанесли удар все вместе.

Буддийский свет, драконья первородная ци, посох и мечи сплелись в паутину, преградив путь этой молниеносной атаке. Обе стороны отбросило назад волной энергии, у всех в груди забурилась кровь, но Владыка Пещеры Бездны явно оказался в проигрыше.

— Тц, хлопотно.

Взгляд Владыки Пещеры Бездны скользнул в сторону и упал на наблюдавших за схваткой за пределами монастыря Чжоу Тяньэ и других смертных, и он решил взять их в заложники, чтобы принудить Цзигуна и остальных к подчинению.

— Раз пришли, оставайтесь все! — извиваясь подобно ядовитой змее, вырвался еще один поток ядовитой демонической ци и стремглав бросился на Чжоу Тяньэ и остальных!

Лица стражников побелели как полотно, казалось, им неминуемо суждено погибнуть. Но в самый критический момент произошло чудо!

Мягкое и скрытное доселе золотое сияние заслуг вокруг Чжоу Тяньэ словно разъярилось окончательно и бурно вырвалось наружу!

Яркий золотой свет взмыл в небеса: это больше не были редкие искорки светлячков, теперь он походил на палящее солнце — преисполненный чистейшего янского начала, он сметал всю скверну!

Ядовитая демоническая ци, столкнувшись с золотым светом, зашипела, словно снег под кипятком, испуская пронзительные вопли, и в мгновение ока полностью рассеялась!

— Что?! — встревоженно воскликнул Владыка Пещеры Бездны, а демоническая ци забурилась.
— С чего это у какой-то смертной такая чистейшая и мощная защита из заслуг?!

Этот золотой свет не просто отбросил демоническую ци — казалось, он обладал прирождённым подавляющим свойством против любой нечисти, заставив Чжан Сяойхуэй, Люй Цзи и прочих чудовищ в панике отступить с болезненными гримасами на лицах.

Даже находившийся под контролем «Чэнь Лян» на мгновение обрел ясный взгляд под лучами этого сияния.

Воспользовавшись этим мимолётным шансом, Цзигун и остальные контратаковали объединёнными силами и наконец временно отбросили Владыку Пещеры Бездны и его приспешников.

Бежав, Чжан Сяйхуэй не забыла бросить полный тоски взгляд на Линьчаньцзы, принявшего облик Чжао Биня, но тот лишь стиснул зубы и отвёл глаза.

Сильный враг отступил ненадолго, но атмосфера на поле боя сделалась ещё более тяжёлой.

Ао Цзилун с мрачным и скорбным выражением лица выложил всё, что видел:

— Святой монах, источник этой эпидемии уже выяснен.

Это тот самый рыбий дух по имени Инь Хуань, которую вы некогда спасли от бедствия, вызванного стабилизирующим реку посохом!

Он поведал о том, как Инь Хуань поддалась искушению обращённого в демона Чэнь Ляна, как пожертвовала жизнью Е Цин и как бросила чумную бусину в лotosовый пруд.

Голос Ао Цзилуна звучал холодно, с примесью раскаяния:

— Если бы тогда мы не пощадили её... быть может, сегодняшней беды не случилось бы.

Он посмотрел на Цзигуна:

— Святой монах, вы ведь говорили, что заключите их в пруд для отпускания живых существ при монастыре Линъинь, чтобы они день и ночь слушали буддийские песнопения, смывали свои грехи и, возможно, со временем обратились к добру и обрели праведный плод.

— Святой монах, вы ошиблись в своём спасении.

То, что осталось недосказанным, не нуждалось в пояснениях.

Однако после этих слов все присутствующие сочли происходящее абсурдом.

Старший ученик Чэнь Лян стал сосудом для обитателя логова демонов и пошёл войной на собственную школу.

Второй ученик Чжао Бинь путался с демоницей, их отношения были более чем двусмысленными.

Даже рыбий дух, которого приютили и пытались «спасти» в обители, превратился в главное зло, посеявшее чуму и губившее народ!

Доверие в этот миг рухнуло окончательно.

Цзигун смотрел на полные сомнений, страха и даже ненависти взгляды окружающих.

Затем он перевёл взгляд в ту сторону, куда скрылся опутанный демонической ци «Чэнь Лян».

Потом взглянул на стоявшего рядом Чжао Биня со сложным выражением лица, и его старое лицо сморщилось, превратившись в горькую тыкву.

Рука, сжимавшая потрепанную шляпу, слегка дрожала.

Всю жизнь он следовал принципу: «Вино и мясо проходят сквозь кишки, а Будда сидит в сердце», живя по воле чувств и спасая тех, с кем у него была «связь». Но он и помыслить не мог, что эта «связь» принесёт столь горькие плоды и затронет столько невинных людей по всему городу.

Он действительно был неправ.

Прошло полмесяца, и удушающая тень смерти, висевшая над городком Хуатянь, наконец полностью рассеялась.

Когда последние больные покидали приют Цзицы, на их лицах уже проступил здоровый румянец.

Оглядываясь на обитель, спасшую им жизни, они светились радостью от чудесного спасения и невыразимой благодарностью.

И всё это было связано с одним человеком — Чжоу Тяньэ.

Эта широкомасштабная и свирепая эпидемия,

благодаря вовремя пресеченному источнику, действенным рецептам и чёткой организации, была полностью ликвидирована всего за полмесяца, а число смертей сведено к минимуму.

Для любого человека подобное казалось невероятным чудом.

Создательница этого чуда сейчас тихо стояла во дворе приюта Цзицы, глядя на возрождающийся город.

Золотце заслуг вокруг неё, которое прежде могли разглядеть лишь практикующие, сделалось столь плотным и мощным, что казалось почти осязаемым. Подобно тёплому, но не слепящему солнцу в мире смертных, оно придавало её облику величественное и священное сияние.

Этот золотой свет проистекал не только из признания небесного пути, но и из чистейших желаний благодарности сотен тысяч простых людей.

Заслуги Чжоу Тяньэ были описаны в докладе уездного судьи и префекта, который по специальным каналам дошёл до самого императора.

В этот день городок Хуатянь встретил невиданные почести.

Императорский посланец, держа в руках императорский указ, громко зачитал перед лицом всех горожан:

— Волею Небес, император объявляет: простолюдинка Чжоу Тяньэ обладает благородным сердцем и золотыми руками, её добродетель равна небу и земле.

Во время разгула эпидемии она приняла на себя тяжёлую ношу, вернула к жизни многих искусным лечением, а её заслуги неизмеримы!

Жалую именную золотую дощечку с надписью «Божественный лекарь спасает мир», десять тысяч лянов золота и сто му лучших полей в знак признания её добродетели. Исполняйте!

— Святая целительница! Святая целительница! — восторженные крики, подобные грохоту волн, взметнулись до небес.

Дарованная императором золотая дощечка была вывешена на самом видном месте приюта Цзицы и ярко сияла под лучами солнца.

Но ещё ярче этой дощечки были алтари с именами живых людей, которые почти в каждом доме городка Хуатянь и окрестных деревень воздвигли в честь Чжоу Тяньэ.

Её почитали как «живую бодхисаттву», а её милосердие было высечено на каменных стелах у въезда в город, чтобы потомки во веки веков помнили её подвиг.

Время стирает множество воспоминаний, но легенды о святой целительнице в городке Хуатянь будут передаваться из поколения в поколение.

В ту самую ночь, когда была воздвигнута стела заслуг, во время медитации Чжоу Тяньэ отчётливо почувствовала, как затаившийся в глубине её существа и дремавший смутный остаток эмоций прежней хозяйки тела легко затрепетал, подобно кокону просыпающейся

бабочки.

Слабое, но чистое чувство облегчения и радости ручейком влилось в её душевное озеро.

— Оказывается... я тоже смогла зайти так далеко?

— Как чудесно... Спасибо тебе, что позволила мне увидеть... совсем другую меня.

— Это... лучшая история, которая принадлежит Чжоу Тяньэ.

Та нить души передала последнее пожелание и со вздохом умиротворения окончательно растворилась, слившись с необъятным истоком души Линь Шуан.

Навязчивая идея исчезла, кармические узлы распутались.

В списке остался последний пункт — та самая лисья... то есть ящерица по имени Люй Цзи, которая некогда использовала прежнюю хозяйку тела во вред ей самой и пыталась навредить Ао Цзилуну.

Её не нужно было долго искать: благодаря резонансу мощного золотого света заслуг любая нечисть становилась видна как на ладони.

В сыром и мрачном горном ущелье Линь Шуан отыскала дрожащую от страха Люй Цзи, которая зализывала свои раны.

Завидев Чжоу Тяньэ, Люй Цзи испуганно вспыхнула взглядом, а затем попыталась напустить на себя свирепый вид:

— Это ты! Чего тебе надо?

Линь Шуан ничего не ответила и даже не стала применять сколько-нибудь значительную силу душ призраков.

Она лишь медленно подняла руку, и окружающий её необъятный золотой свет заслуг послушно заструился следом, превращаясь под воздействием воли и праведности в чистую золотую ладонь.

Отпечаток ладони казался медленным, но нёс в себе незыблемую мощь законов самого неба и земли, заперев все пути отступления для Люй Цзи.

— Нет! —

Люй Цзи испустила отчаянный вопль, изо всех сил пытаясь задействовать демоническую ци, но перед лицом этого сияющего света её сопротивление таяло подобно снегу и не стоило ровным счётом ничего.

Золотой отпечаток легко опустился вниз.

Никаких оглушительных взрывов, никаких кровавых ошмётков.

Тело демоницы под очистительным воздействием чистейшей силы ян превратилось в сухие листья, брошенные в костер, и быстро испарилось легким дымком, а её греховная душа рассеялась меж небом и землей, окончательно уничтоженная.

Вот как сила заслуг карает нечисть.

Остатки навязчивых мыслей прежней хозяйки тела, касавшиеся демоницы-ящерицы, окончательно испарились.

И именно в момент гибели Люй Цзи в её сознание хлынул поток запечатанных воспоминаний «прошлой жизни» Чжоу Тяньэ.

Она «увидел» то, как в той жизни Ао Цзилун, стремясь исцелить шрамы на её лице, повёл её на поиски секретных целебных трав драконьего рода. Однако рыбий дух Инь Хуань воспользовалась моментом и вогнала ту зелёную бусину ей прямо в рану!

Пронзительная боль, разъедающая кости демоническая ци...

Именно тогда Ао Цзилун без малейших колебаний пожертвовал драконьей чешуей со своего сердца, ценой повреждения собственной первородной сущности еле-еле сохранив ей жизнь...

На этом воспоминания оборвались.

Вот оно что.

Инь Хуань, ты еще в прошлой жизни губила людей столь гнусным коварством, а в этой жизни, пусть всё пошло иначе, всё равно поплатилась по заслугам.

А что до Ао Цзилуна...

Она машинально коснулась своей ныне безупречно гладкой, подобной нефти кожи, и тепло драконьей чешуи, некогда защитившей её, казалось, до сих пор хранило слабый отзвук.

Этот кармический долг прежняя хозяйка тела до самой смерти считала своей виной и сожалением.

Вскоре подошёл к концу и суд в монастыре Линъинь.

Надзирающий монах Гуанлянь был изобличён в хищении колоссальных сумм денег от благовоний, его лишили сана, конфисковали личное имущество, бросили в тюрьму и оставили дожидаться приговора.

А финал Цзигуна — Ли Сююаня — оказался ещё более печальным.

Официальные чиновники подробно перечислили все его «преступления»: в свадебную ночь он беспричинно сошёл с ума и ушёл в монахи, из-за чего его невеста в стыде и гнев покончила с собой — это бессердечно; приютил нечисть и попустительствовал ей — это неблагоприятно; а рыбий дух, которого он якобы «обратил», породил чудовищную эпидемию и погубил народ — это несправедливо! К тому же его взбалмошное поведение расстроило местную карму и навлекло небесную кару...

В конце концов двор издал указ: отобрать у него удостоверение монаха, навсегда изгнать из монастыря Линъинь и запретить появляться среди людей в монашеском облачении.

Некогда почитаемый всеми «святой монах» и «живой Будда» в одночасье скатился до положения нищего монаха без документов, потеряв к тому же способность творить чудеса и вызывать ветер с дождём.

Кто-то видел, как он в ещё более рваных одеждах, с тыквой для вина в руках брёл по рыночной площади, пытаясь подавать милостыню или трудиться наравне с обычными людьми, но повсюду встречал лишь презрение и гонения.

Ему приходилось начинать с самых низов, чтобы заново прочувствовать человеческие страдания и испить чашу посеянных им же кармических плодов.

Когда он воистину вкусил вкус «всеобщих страданий»,

быть может, именно это и стало тем «сердцем Будды», которое ему предстояло взрастить заново.

А другая пара несчастных супругов — Би Панань и Чжуан Хунсин — пережив эту страшную чуму, решили развестись.

К Чжуан Хунсин вернулся голос, а её внешность приняла первоначальный вид.

Пережив предательство перед лицом смерти, её характер сильно переменился, но в глубине души она оставалась той же своенравной особой, пусть больше и не позволяла себе избивать или бранить людей попусту.

У неё просто не осталось прежнего запала выплёскивать злобу на окружающих.

Она немного устала.

Что же до Чжоу Тяньэ, Чжуан Хунсин по-прежнему не могла вслух высказать ей слова извинения и благодарности.

Лишь когда Чжоу Тяньэ покидала эти места, она издалека взглянула на её исчезающий силуэт.

Что касается Би Пананя и Фан Хун — этой четы хитрецов, строивших козни против всех и вся, — то во время тщательного расследования властями споров между кланами Чжуан и Би, а также следов лесных разбойников, всплыло неопровержимое свидетельство их причастности к заказу убийства старшего брата.

Улики были неопровержимы, и обоих приговорили к ссылке — остаток жизни им предстояло искупать свои грехи в суровых северных краях.

Позднее.

Дарованное императором золото в размере десяти тысяч лянов и сто му плодородных земель Чжоу Тяньэ целиком потратила на расширение приюта Цзицы и открытие его филиалов в самых разных уголках страны.

Она создала безупречно отлаженный свод правил в надежде, что даже после её ухода эти лечебницы продолжат оказывать медицинскую помощь бедным и обездоленным.

Это было самое реальное проявление заслуг, которое она могла оставить после себя.

Заслуги в городке Хуатянь были собраны практически полностью.

Оставив приют и лечебницы на попечение нескольких добропорядочных врачей с уже окрепшим мастерством, она решила покинуть городок Хуатянь и отправиться странствовать, совмещая лечение людей с накоплением новых золотых сияний заслуг.

Пребывание здесь больше не приносило ей никакой пользы.

В день отъезда стояла ясная и погожая погода.

Она не стала поднимать много шума, лишь закинула за плечи простой дорожный мешок, выглядя как обычный странствующий лекарь.

Однако у придорожной беседки за городской стеной её уже давно поджидала фигура — неожиданная, но вполне закономерная.

Ао Цзилун.

Он всё так же блистал нефритовой красотой, сохраняя благородные манеры, но его взгляд на неё был полон невыразимой сложности.

Там читалось восхищение, едва уловимый ответ нежности

и... глубокое, непонятное даже для него самого чувство утраты и тоски.

— Госпожа Чжоу... — Ао Цзилун сложил руки в приветствии, и его голос звучал глухо. — После этого расставания неведомо, когда мы вновь увидимся. Вашему делу спасения мира Цзилун искренне поклоняется.

Чжоу Тяньэ ответила на поклон с безмятежным, как осеннее озеро, лицом.

— Лорд Дракон слишком любезен. Спасать людей и исцелять больных — долг любого лекаря.

У Ао Цзилуна отчаянно защемило в груди: ему казалось, что отношения между ними ни в коем случае не должны сводиться к столь пресному общению благородных людей.

Словно он забыл о чём-то крайне важном, о какой-то нити, что некогда прочно связывала их судьбы.

Глядя на это чистое и прекрасное, но холодное лицо, он тысячекратно прокручивал в горле слова, которые так и не решился вымолвить, и в итоге всё свелось к безмолвному вздоху.

— Берегите себя, — наконец выдавил он.

— Лорд Дракон тоже берегите себя.

Чжоу Тяньэ чуть кивнула и, не оглядываясь больше, ступила на ведущую вдаль большую дорогу.

Солнечные лучи окрасили её сине-фиолетовые одежды золотой каймой, а силуэт казался решительным и легким.

Ао Цзилун ещё долго смотрел ей вслед, пока та окончательно не растворилась на краю земли. А то странное чувство опустошённости и тяжёлой боли всё так же цепко держалось в его сердце, отказываясь рассеиваться.

Покинув городок Хуатянь, Чжоу Тяньэ следовала своему внутреннему зову, продолжая лечить людей и накапливать заслуги на каждом шагу.

В каком бы месте она ни останавливалась на несколько дней или месяцев, она непременно выбирала тихий уголок, чтобы вести бесплатный приём местных жителей, распознавать целебные травы и высаживать их.

Её слава «святой целительницы» неслась вслед за её шагами, разносясь по еще более просторным землям.

Странные вещи тоже начали происходить.

В каких бы ветхих хижинах ей ни доводилось жить или в каких бы шумных постоянных дворах ни останавливаться, каждое утро по пробуждении двор был неизменно выметен начисто, до идеального блеска.

Высушенные ею травы кто-то аккуратно переворачивал, дабы каждая сторона равномерно впитывала солнечные лучи.

А земля вокруг посаженных ею лекарственных растений всегда сохраняла нужную влажность, словно по ночам на них тайком проливался живительный дождь.

Поначалу она думала, что это дело рук местных жителей, движимых благодарностью. Но когда это повторилось слишком много раз, у неё возникло предчувствие.

В тот день она проснулась незадолго до рассвета, скрыла собственное дыхание и стала наблюдать у окна.

На востоке занимался брезгливый рассвет, утренняя роса ещё не сошла.

Она увидела, как в ручейке у угла двора слегка заискрилась вода и оттуда осторожно высунулась исполненная духовной силы карликовая рыбка с отливавшей нежно-золотым светом чешуей.

Она настороженно огляделась по сторонам и, убедившись в безопасности, окуталась едва заметным водным сиянием.

Следом над самыми нежными целебными ростками во дворе собрались крошечные

сверкающие капельки воды и точно упали на почву у самых их корней.

<http://bllate.org/book/21973/2282996>